

Екатерина Полухина
В гармонии с природой

Екатерина Полухина

В гармонии с природой

«Издательские решения»

Полухина Е.

В гармонии с природой / Е. Полухина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966231-6

Человек кичится тем, что он хозяин жизни. Но не всегда этот статус он оправдывает. Чаще всего ему нужно многим качествам учиться у братьев наших меньших, чтобы называться этим хозяином. Они добрее, преданнее, честнее и порядочнее человека. По крайней мере, они не продаются.

ISBN 978-5-44-966231-6

© Полухина Е.
© Издательские решения

В гармонии с природой

Екатерина Полухина

© Екатерина Полухина, 2020

ISBN 978-5-4496-6231-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шестое чувство.

Наша кошка Маркиза была уже по человеческим меркам, пожилая дама. Ей шёл одиннадцатый год. А если перевести её годы в измерение человеческих лет, то ей исполнилось 62 года. Она была уже не так резва, как в юности, но мы ценили её уже за совсем другие качества. Маркиза наша стала своего рода, предсказательницей. Как это у неё получалось, никто не мог понять, но прогноз её был точным на 100%.

Односельчане хорошо знали Маркизу и привечали её, кто как мог. К примеру, ждёт молодая мамаша ребёночка и время рождения его уже на подходе. Наша питомица, начинает ходить в этот дом. Время нахождения её в данной семье, зависело от того, как развивался ход событий. Если ребёнок развивался хорошо, наша провидица вела себя тихо и спокойно. Она играла с молодой мамочкой, ела, то, что ей там предлагали и жила, вплоть до рождения малыша. Если же с ребёнком были проблемы, кошка ничего не ела, и старалась лечь женщине на живот. Так, прожив в этой семье день, два, она уходила домой. И действительно, так и выходило. И все приветствовали её посещения. И всем хотелось, чтобы она жила у них, как можно дольше. Так же поступала кошка, если в какой – то семье болел человек. Маркиза уходила в эту семью, и если человеку суждено было выздороветь, она вела себя тихо и мирно. Устроившись, где ни – будь, не далеко от больного, она тихонько урчала, от чего создавалась атмосфера домашнего уюта и покоя. Если же, человек был обречён, кошка вела себя беспокойно. Она драла в этом доме всю мебель подряд, смотрела на больного, пристально и словно гипнотизировала его. Пробыв в семье такого больного, день, два, она исчезала и больше уже у них, не появлялась. Нашу маркизу и любили, и боялись одновременно.

У нас она жила обыкновенной жизнью. Очень ласковая, добрая, она играла с моими внуками. Что же самое главное, она ни разу не принесла потомства.

Муха

Однажды, придя с работы, домой, мой зять, загадочно улыбнувшись, полез за пазуху и вынул, казалось пустой кулак. Но, открыв его, мы с дочкой моей Ксеньей, увидели на его ладони, крошечный чёрный шарик. Шарик этот двигался и пытался, издавать какие – то звуки, похожие на писк мышонка. Дорогая, ты хочешь доченьку? – обратился зять к супруге, – вот тебе, настоящая, новорожденная. Ей от роду вторые сутки. Занимайся родная. Назовёшь сама. Он передал этот живой комочек из рук в руки моей дочке и попросил меня: Мамка, покорми меня, я думаю, я заслужил отличный ужин.

За окном шелестел о стекло дождик, навевая весеннее, вечернее настроение. Покушать и на диван. Я кормила зятя ужином, а сама в это время знакомилась с историей нашей гостьи. Котёнку (а это была кошечка) и вправду вторые сутки. Взял он его у своего приятеля. Котят было пять штук и все разного окраса. Этот самый симпатичный, – сказал он. Если котят начнут

разбирать у Глеба (так зовут его приятеля), то «Муху» заберут первой. Что бы, не опоздать, я взял её сразу. Ксения сделает всё даже невозможное, чтобы вырастить её. Мамка, правда, я хорошо её назвал? Однозначно, по-другому было и не придумать. Узнаем теперь, как назовёт её Ксения.

Это была настоящая муха. Слепая, беспомощная, осенняя муха. Но у нас за окном была весна, кругом всё начинало зеленеть, облекаясь в серо зелёную дымку пухового платка. Дождь за окном смывал всю грязь, скопившуюся за зиму, и давал нам надежду, что «Муха» наша вырастет и превратится в прекрасную кошечку. Мы решали свои вопросы, а вот когда, из кухни зашли в комнату, то увидели нерадостную картину. Дочка моя, почти, что, рыдала. Ну, как же её вырастишь, если у неё в рот, даже соска не влезает? – горевала она. Она же просто муха. Мы с зятем довольные переглянулись. Зачем ты взял её от матери, не подумав о последствиях? Эгоист ты несчастный! Ведь это же живое, понимаешь, живое! А если она погибнет? – накручивала себя дочка, – что тогда ты скажешь? Как себя чувствовать будешь? Зять же, зная свою жену, как самую добрую, самую ответственную, никоим образом не сомневался, что из этого комочка, она вырастит то, что должно вырасти.

Ночью, из своей комнаты я прислушивалась к звукам общих комнат, но так ничего и не услышала. Зять утром рано уехал на работу, и я стала караулить, чтобы дочка не опоздала на службу. Заглянув в её комнату, я до слёз была, растрогана, увиденной картиной. Моя дочка лежала на спине, откинув в сторону руку, в которой лежала «Муха», укутанная в тёплый шарф. Не буду долго мучить вас подробностями, но дочка моя, приложив все немыслимые старания, вырастила из мухи – «Муху». Она кормила её из пипетки, купала в кукольной ванночке. Она гуляла с ней по садику, положив её, или же в карман халата, или носила на груди. Та, уцепившись острыми коготками за ткань, цепко висела на ней. Не может быть матери лучше для дитя, чем моя дочка была для этой крохи. Если уж она котёнка так пестовала, то представьте, как же она могла любить ребёнка.

Скоро у нашей малышки открылись глазки. Она стала передвигаться по полу, смешно кувыркаясь и падая, когда наевшись, её животик был больше, чем её коротенькие лапки. Муха стала всеобщей любимицей нашей семьи, но зять её просто обожал. Он бежал после работы домой, нигде не задерживаясь, ни на минуту. Ещё у самого порога, он опускался прямо на пол, и начиналось настоящее представление. Муха уже ждала его, и они выделяли такие, своеобразные – па, что смотреть на них было одно удовольствие. Муха росла теперь не по дням, а по часам и вскоре превратилась в прелестную кошечку. Чёрная, как осенняя ночь, она имела на груди и животе белоснежную звезду и такие же носочки, на всех четырёх лапах. Зеленющие глаза, чуткие, длинные усы, сторожкие уши. Это был настоящий сфинкс, когда она усаживалась перед обеденным столом, на специально отведённый для неё стул. В еде она оказалась очень и очень разборчивой. Её было в пору брать в магазин с собой, чтобы выбрать приличный сорт колбас, или сыра. Она была настоящей гурманкой. Если она ела тот, или иной продукт, можно было, без опаски есть и самим. Мы доверяли ей, как самому профессиональному дегустатору. Мы очень любили и ценили свою «Муху» и часто баловали, как любимого ребёнка. А вот она, (не смотря, что выходила её Ксения, я кормила её целый день, пока дети работали), она любила больше всех, моего зятя. Ну, что поделаешь, женщина одним словом. Он уделял ей максимум внимания и времени, и она платила ему тем же. Да он готов был остаться голодным, но накормить свою любимицу, это было для него, святое.

А как – то, однажды, мы наблюдаем такую картину. Зять смотрит телевизор, а «Муха», запрыгнув на диван к нему, долго мостилась, пока не улеглась у него прямо на груди. Она

так пристально смотрела ему в глаза, что он даже зашумел на неё. Прямо гипнотизирует, – возмущался он. Но к вечеру мы с дочкой были вынуждены вызвать скорую. У зятя случился сердечный приступ. И так мы заимели медицинский барометр. Как только «Муха» проявляла слишком пристальное внимание своему хозяину и ложилась к нему на грудь, мы уже знали наверняка, что без скорой не обойтись. И когда скорая увозила зятя, «Муха» не находила себе места, какое – то время, потом успокаивалась и становилась спокойной, весёлой. А ведь я раньше не верила в это, ну, что кошки чувствуют настолько сильно, остро и за много вперёд. Вот оно, шестое чувство.

Наша «Муха» уже много раз мамочка. Дочка и зять иногда шумят на неё, уж больно любвеобильна ты у нас. Но это только слова. Котята у неё всегда очаровательные и их с удовольствием разбирают, когда приходит время, наши знакомые и знакомые знакомых.

«Цена здесь не вопрос».

Когда совсем не стало корма, в том месте, где они поселились, вот уже несколько лет, она осмелилась ходить в село, что находилось в нескольких километрах от её норы. Сама она, конечно же, перекусывала на ходу, чем бог пошлёт. Мышка не успеет юркнуть в норку, птица замешкается и не взлетит во время. Суслик потеряет бдительность и тут же попадёт к ней на зуб. Но всё это было малой толикой, а ей нужно было что то, куда как существеннее. Ведь её ждали у норы пять малышей и то, что хватало ей перебить голод на несколько часов, им бы не составило никакой пользы. Они бы только, ещё больше раззадорились, и захотели, есть, от возни и отбирания друг у друга пищи.

В то время, когда рядом с ней был отец её лисят, она твёрдо знала, что выводок не пропадёт от бескормицы. Одноухий, (второе отстрелили ему ещё в детстве) отлично знал местность и всех обитателей этой местности. Ей же приходилось большей частью охранять малышню, да следить за порядком в норе и среди детей. Но совсем недавно её супруга не стало. Охотник, что жил в том селе, куда она решила прийти только недавно, убил его из двустволки, что носил с собой каждый раз, отправляясь в лес, или же в поле. Он содрал с него шкуру, а тушку оставил на растерзание воронам, которые не заставили себя долго ждать. Она видела всё это, спрятавшись за кустами. Ей было горько, тоскливо и одиноко. Но она постаралась наброситься на падальщиков, когда человек ушёл, хотя знала, что от этого ничего не изменится и её сильный, и ловкий друг, уже никогда не побежит с ней рядом. Никогда не положит, свою красивую морду, ей на плечо, никогда не узнает, какими стали их дети. И вообще, уже никогда и ничего не будет у неё с ним. Только у неё одной теперь.

Она долго не уходила от этого места. Тявкала в пустоту, валялась по земле, но горе от этого не убавлялось. Вороны растащили, всё, что можно было съесть, и тяжело улетели, обрадованные поживой. Их воронята сегодня будут накормлены тоже. Лисица же не пошла к своей норе, хотя и знала, что малыши голодные. Ей было очень и очень плохо. Так плохо, как теперь, ей никогда ещё не было. И не потому, что голодными были её дети, да и сама она не ела досыта.

Ей было нестерпимо одиноко. Она была уже не той молоденькой, игривой самочкой, что в своё время завлекла с лёгкостью своего будущего избранника. Он бился на смерть с матёрым, старым лисом, которому она тоже приглянулась. Победила молодость и у них образовалась крепкая и дружная семья, где каждый год появлялись малыши. Но это было довольно давно и теперь, от той симпатичной, лукавой бестии, почти ничего не осталось. Разве только хитрая, симпатичная мордочка, напоминала юную, беспечную лисичку. Но к милой мордашке

добавились жизненный опыт, выносливость, да и на шерсти у пасти, появилась седина, отливавшая серебром, на солнце, или, же при лунном свете. Теперь она была далеко не молода и в заросшем овраге, среди казалось безбрежного поля, не мало жило их, с «Одноухим» детей, внуков, имевших уже свои семьи и выводки. Она бесконечно много раз уже была бабушкой, всем этим хитрюгам, что старались прокормиться любым путём. Вот теперь и у неё была такая ситуация, нужно было, во что бы то ни стало, найти корм для детей. Иначе их ждала участь их отца, быть растерзанными голодными, ни чем не гнушающимися воронами. Этими, горластыми, и злыми, при делёжке добычи, соседями. Они тоже проживали здесь же, в зарослях терновника, что больно рвал шкуру своими колючками, но в то же время, хорошо укрывал нору, от ненужных глаз.

Овраг находился от деревни, километрах в десяти по суше. Она сократила этот путь, переплыв неглубокую речку. Хотя и почти на голодный желудок, она проделала этот рывок довольно легко. Лисы отличные пловцы и в жару, часто принимают ванны, ради удовольствия. Теперь же её гнало одно желание, накормить детей. Больше у неё никого не осталось, ради чего было жить. Она опять почувствовала тоску и прибавила ходу.

Было раннее утро. Солнце ещё только собиралось опалить всё подвластное ему и выкапилось огромным, переливающимся шаром. Шар этот слепил, но ещё не обжигал, а только приятно грел бок и спину, да не давал свободно взглянуть вперёд, слепя своим светом. Но она отлично обходилась только чутьём, а чутьё вело её к старому озеру, заросшему камышом и осокой. Это небольшой залив, оставшийся от старого русла. Оттуда, доносились крики уток и отдалённый гогот гусей. Обходя озеро со стороны крутого обрыва, она пряталась в старых листьях мать и мачехи, что превосходно скрывали её, давая преимущество, быть полностью не замеченной окружающим. Утки плавали совсем не далеко, но она не знала точно этих мест и глубины этого озера, поэтому, сразу же заняться охотой, повременила. Затаясь в зарослях, она, одновременно отдыхая, наблюдала за обстановкой. Утки были домашние, но она знала, что они тоже довольно таки шустрые и поймать их на воде, не так – то просто.

Так отдыхая и обдумывая план охоты, она даже задремала, как вдруг услышала совсем близкое гоготанье гусей и разговор человека. Человек этот был, ни кто иной, как, тот самый охотник, что убил отца её лисят. Он гнал гусей к воде, громко прикрикивая, на зазевавшихся, и отстающих. Гуси, тяжело переваливаясь на своих лапах, увесисто падали с берега и чуть – чуть проковыляв по траве, попадали в озеро. Гусак, попав в воду первым, призывно звал своих подружек, замешкавшихся в густоте зарослей. Совсем сзади переваливались молодые и старые гусаки. Они как бы охраняли стадо с тыла. Хозяин же, не заботясь больше о своих питомцах, тут же удалился, видно домой. Продолжая лежать в своей похоронке, лиса подумала, что и вовсе он не страшен, как казался там, в овраге. Но потом поняла, почему. Он был без ружья. Она продолжала дремать, хотя голод давал о себе знать, всё больше и больше. Гуси и утки купались, плескались. Гоготали, крякали, а она терпеливо ждала.

Но вот солнце стало припекать, птица накупалась и потянулась на берег. Теперь нужно почистить пёрышки, смазать их жиром, чтобы не промокали и просто отдохнуть, перед тем, как пуститься домой, за очередной кормёжкой у хозяина. Ведь птица устроена так, что за день она ест несколько раз, иначе от неё будут одни кости. Утки вышли из воды первыми и не успели они, как следует рассестись на травке, как рыжая молния метнулась к ним и они даже не успели испугаться, как одной из них не повезло. Лиса перехватила ей горло, и всё получилось тихо и спокойно. Отбежав на приличное расстояние, она отгрызла утке голову, крылья и лапы, тут же их съела, а остальное потащила детям. Если съесть всю утку, она отяжелеет и не сможет

больше поймать ещё. А если не покормить малышей, они погибнут, разбредясь, кто куда. Нет, голод придал ей силы и гнал её с удвоенной скоростью.

Несколько раз она была вынуждена остановиться, чтобы передохнуть, но каждый раз она охотилась, чтобы не соблазниться основной добычей. Несколько полёвок подкрепляли её, и она бежала дальше. Бежать с грузом было, куда как тяжелей, чем налегке, но она всё же, донесла утку до норы. Дети её, ослабевшие от голода, даже не пытались, куда ни – будь убежать. Они забились глубоко в нору и лежали там тихонько, в одиночестве. Когда с уткой было покончено, все принялись возиться, затея какую – то игру. Мать же, устав от своего похода, тихонько лежала рядом и ласково смотрела на своих, расшалившихся отпрысков. От утки ей достались лишь перья, но она не огорчилась. Завтра она снова пойдёт на охоту. Теперь она точно знала, что её малыши вырастут, и придёт время, заведут себе тоже семьи.

Её же материнство на этом заканчивалось. Молодому самцу она не нужна, а старые, живут подле своих преданных половинок. Если только может дело случая, но теперь у неё была только одна забота, выходить своих лисят. Она стала каждый день уходить на охоту в село и вот уже почти неделю, она приходила к детям не с пустой пастью. Правда, дважды, ей попались куры, что разгребали береговой нанос, ища себе червей. Но ей было всё равно, лишь бы дети не остались голодными. Куры оказались мясной породы, так что малышня не голодала.

И всё у неё получалось, как нельзя хорошо, пока она не занялась стадом гусей охотника. Мяса в них было куда, как больше, конечно же, чем в утках, и даже курах, пусть и мясных. Гуси, как известно же, очень осторожная птица, и недаром говорят про них, что они спасли Рим. Но наша амазонка была ещё та бестия. Род лис, это самый хитрый из животных. Они настолько искусны в этом, что есть даже сказка, где лис перехитрил сам себя. Как бы то ни было, но гусей она ловила также искусно, как и любую другую птицу. Да она иногда на лету хватала куропатку или перепела. Гуси домашние не летали, а добежать до спасительной воды, им не давала наша героиня. Зато мяса в них было куда больше, чем у всех пернатых. Но их было тяжелей нести, хотя она и съедала голову, и крылья. Да и хозяин верно уж насторожился, заметив недостающих птиц. Но делать было нечего, пока её не уличили, она продолжала ходить на озеро изобилия.

От регулярной кормёжки свежим мясом, детки её подрастали, как на дрожжах. Они уже крепко стояли на лапах, выглядели упитанными, шустрými и повзрослевшими. И она всё чаще задумывалась над тем, чтобы взять их с собой на охоту. То, что она приносила, уничтожалось ими с невероятной быстротой. Ей теперь не оставалось просто ни крошки. Ходить дважды, не могло быть и речи. У неё еле хватало сил, для одного раза. Постоянное недоедание, длинная дорога, вконец изматывали её. Она похудела. Шерсть её, недавно ещё лоснившаяся, теперь свалялась колтунами, от налипших на неё репёв. Но вычесать их, у неё уже не было ни сил, ни времени. Что она ещё могла, так это тихонько лежать после охоты и наблюдать за резвившимися детьми. Даже наказать, порой одного зарвавшегося из пятерых щенков, у неё не хватало сил.

Был бы «Одноухий», ей не пришлось бы так выматываться. Но его не было рядом, да и вообще не было. И лютая злоба вдруг овладела ею. Злоба на того, кто сделал её жизнь невыносимой. Она вдруг вскочила, подгоняемая этой ненавистью и подала знак детям, что они идут на охоту вместе. Время было к закату, и они должны были дойти до настоящей темноты к тому месту, куда влекла её дикая жажда отмщения. Подростки ещё ни разу не ходили так далеко от своей норы, но мать знала, что они одолеют этот путь. После небольшого дождичка, земля

была мягкой и не набивала лапы, как делает это сухая, растрескавшаяся от зноя почва. Дети бежали весело и спорно, придавая надежду матери, что всё, что она задумала, получится.

Да, как и задумала мать, всё получилось прекрасно. Дети играючи бежали всю дорогу, будто играя в догонялки. Иногда, она давала им, остановиться. Затем они вновь бежали за матерью, предвкушая удовольствие, от предстоящей охоты. Они точно не знали, что это такое, большая, настоящая охота, но мать им обещала приятное мероприятие, а они ей верили во всем. Когда пути пришёл конец, было уже совсем темно и только одинокая луна, лила на землю свой загадочный свет, от чего всё принимало, тоже загадочный вид. Хотя и были лисята ещё подростками, но они уже многое знали. Чему – то успел научить их отец, что – то передалось с кровью предков, большую часть знаний передала мать, заботясь в одиночестве, за своей оравой. Ей нужно было основательно подготовить их в жизнь, потому что, долго так на износ, она не могла прожить. Оставить детей не приспособленными к этой трудной жизни, значит обречь их на верную смерть с юности. Но она мать и этого она не могла допустить. Она учила их к самостоятельной жизни с самого детства, убегая, надолго за добычей и потом, возвращаясь в нору. Если детей жалеть долго, они погибнут сразу же без неё, не имея опыта к существованию. Что делать, опыт приходит у всех, через тернии жизни. Всё, как у людей.

Ещё задолго до места назначения, мать предупредила детей и они, умело маскируясь, приближались к назначенному пункту. Луна не была им помехой. Они очень хорошо умели двигаться без шума, а заросли их отлично скрывали. Когда цель была достигнута, мать осторожно выглянула из укрытия. И, о чудо! Стадо гусей ночевало на берегу. Они сидели, спрятав головы под крыло, и напоминали белое облако посреди лужайки. У стада был сторож, лиса отлично это знала, поэтому она не кинулась, а змеёй подползла к спящему стаду и первую шею перекусила мгновенно. Она тихонько оттащила тушку подальше и начала своё чёрное дело. Птицы даже не подозревали, как близко от них смерть. Они так и продолжали спать, когда некоторые из них, были уже мертвы и лежали, словно белые, снежные комья на тёмной траве, в призрачном свете луны. Бойня продолжалась не долго, но и достаточно для того, чтобы убить два десятка, а то и больше птиц. Когда гусь сторож поднял тревогу, в воду спустились лишь не многим больше трёх десятков подружек его, перемежающихся молодыми и взрослыми гусаками. Это всё, что осталось от стада более чем в пол сотню голов прежде. Остальные остались лежать, где лежали и ими уже занимались победители.

Когда мать подала команду, лисята моментально подбежали и занялись привычным для них делом. Они с жадностью, какая бывает только в молодости, принялись терзать неостывшие тушки гусей, что лежали прямо в огромном количестве. Некоторые тела ещё трепыхались в смертельной агонии, что придавало лисьятам только задора, и они имитировали с ними настоящую охоту. Мать же, оставив детей и дав им полную свободу, не смотря на страшную усталость, принялась за заготовку мяса впрок. Конечно же, всё она не смогла упрятать, но хотя бы часть. Она утаскивала тушки к воде и закапывала их в песок. Прямо у воды рос камыш, и её похоронка была абсолютно не заметна для постороннего взгляда. Когда с этим было покончено, она тоже принялась за еду, теперь уже и сама. Дети её опьянённые обилием свежей, ещё горячей крови и мяса, были сыты, как никогда. Они теперь уже рвали пух с тушек и как человеческие дети забавлялись этим. Перемазавшись в крови, они выглядели настоящими убийцами, и это согревало матери сердце. Её дети растут настоящими воинами, в своём роду.

Она насытилась тоже, как давно уже не ела, со времени потери Одноухого. Луна ушла на свой ночлег, уступив свой пост приходу дневного светила, и на земле стало темнее и тише, в преддверии ожидания. Вся семья, утомившись ночным разбоем, прилегла отдохнуть перед

дорогой. Но, как только бледная полоса восхода озарила восток, мать, как ни устала за день, будто по какой – то, только ей известной команде, проснулась и огляделась. Всё вокруг, куда доставал глаз, было покрыто, словно хлопьями молодого, чистого снега, гусиным пухом и перьями. Она оглядела опытным глазом всю территорию, но так и не смогла вычислить, где сон застал её молодых воинов, детей. Так плотно было всё укрыто слоем из перьев. Её дети поработали на славу с добычей, доставшейся им так легко и просто на этот раз. На воде сиротливо покачивалось теперь уже совсем небольшое стадо, спавших гусей. Это всё, что осталось от стада, в несколько десятков. Она ощерила пасть, как если бы улыбнулся человек.

Но вот, она подала звук, имеющий, очень важное значение для её выводка – домой, и они не заставили себя долго ждать. Тут же появились мордашки, все покрытые кровью, с прилипшими пушинками, с заспанными глазёнками. Но мать, скомандовала в дорогу, и вся семья понеслась ровной рысью в родную стихию. Они бежали легко и быстро. Отменная пища и сон, дали им силы. А утренняя прохлада взбодрила их. Они не знали, что с ними будет завтра, а вот сегодня, они были победителями. Особенно их мать. Она получила удовольствие от той картины, что увидела на рассвете. Ей, конечно, хотелось бы увидеть реакцию хозяина этого стада, но с ней были её дети, а ими она не могла рисковать.

Когда они достигли своей норы, солнце показало свой лик, освещая все уголки просыпавшейся природы. Они залезли в нору и спокойно уснули, как после обычной, рядовой охоты. Только на этот раз, они заполнили свои желудки до отвала и могли спокойно спать суток трое. Но так могли вести себя, конечно же, только дети. Мать не могла быть такой беспечной. Ей нужно было, во что бы то ни стало узнать, что же делается там, в селе, после их охоты. И проспав достаточно, чтобы набраться, как следует сил после всего случившегося, она, не предупредив малышей, выскользнула из норы. Она была взрослой и очень умной лисицей, поэтому от самой норы пошла очень и очень осторожно. Часто она замирала на одном месте, как будто чего – то ожидая. Петляла, запутывая следы. Иногда ползла на брюхе, а затем большими прыжками пересекала пространство и снова петляла. В общем, вела себя так, как считала нужным, в данной обстановке.

Ещё за долго, до пункта назначения, она спустилась к самой воде и, укрывшись камышом и осокой, незаметно дошла, до схронок. Тушки лежали там же, где она их и закопала. Она осторожно откопала одну и так же, прикрываясь зарослями, отнесла её как можно дальше от этого места. Прикопав её, она вернулась снова на место побоища, но теперь уже по верху. Гусей убитых и не закопанных ею не было, а пух так и лежал на траве, напоминая о случившемся. Дуновением ветерка он поднимался, и получалось, будто метель разыгралась среди октября, под ещё тёплым и ласковым солнцем. На глади озера не было видно, ни единой живой души. Она обрадовалась и уже куда как смелее, затрусила за своей добычей.

Когда она появилась у норы, дети её тихо и мирно играли, в лунном свете. Несколько раз она приходила на берег озера, за оставленными ею трофеями, но, ни разу не встретила там, ни человека, ни какой, ни будь птицы. Но вот запасы закончились, а подросшие лисята, теперь нуждались уже в большем количестве еды. За то время, что они питались птицей, добытой их матерью, они так подросли, что почти не отличались ростом, от неё. В овраге, где они жили, по-прежнему нечего было добыть на пропитание и не только им.

На озере же, теперь было пусто. Люди не отваживались, выпустить на озеро, оставшуюся птицу, после кровавой расправы на берегу. А есть хотелось, как и прежде, да даже ещё больше. Подрастающий организм прямо кричал о том, что ему нужно мясо. И чем больше, тем лучше.

Лисята пробовали на зуб всё, что только им попадалось. Они грызли ветки, корни, чтобы хоть как – то обмануть голод. Мать, видя это, решилась на очень рискованный поступок. Она задумала обмануть судьбу.

Дав знать детям, что они идут все вместе, она побежала впереди, не оглядываясь и не останавливаясь. Она остановилась только тогда, когда они прибежали в то самое село, на тот самый берег. Было уже довольно поздно. Темнота окутала всю землю, и казалось, что кто – то разлил густые чернила, так невыносимо было темно. Время лунных ночей закончилось, и лиса надеялась только на свой изумительный нюх, что ещё ни разу в жизни, не подводил её. Этот нюх вёл её к жилью, откуда нестерпимо пахло птицей. Но заборы были крепки, собаки подняли страшный лай и послышались выстрелы. Как ни голодны были все в семействе, но подставляться под огонь ружья, да ещё напрасно, никто не хотел. Они отступили и ушли, не солоно хлебавши. Идти до норы голодными, ни у кого не было сил, и мать решила спрятаться ещё раз там же, где они уже прятались однажды. В кустах, на поле боя. Спать на голодный желудок, ни как не получалось, но они всё же лежали, притаившись, так как наступал рассвет.

С наступлением дня, в селе зазвучали своеобразные звуки. Кричал петух, гоготали гуси, крякали утки, мычали коровы, блеяли овцы. Всё это, издававшее звуки, было желанным мясом, которого хотелось до боли в животе. И наши герои уже еле – еле справлялись с собой, чтобы не броситься со всех ног и прямо среди белого дня, бежать на эти звуки. Мать беспрерывно подавала знаки лежать, но голод творил с ними невероятные вещи. Куда – то подевался страх, и только чувство голода, терзало желудок, когтями страшной птицы. Один, за другим, они поднимались, и уже не слушая мать, скрываясь в тени берега, по тропке поднимались на кручу. Мать, видя это, тоже поднялась с ними на крутой берег и огляделась. Там, где жил человек, убивший её Одноухого, ворота были приоткрыты и оттуда доносился гогот гусей. Дом его находился всего в трёхстах метрах от озера, и она отчётливо слышала этот желанный гогот, что доводил голодный молодняк лис до умопомрачения. Они не могли больше терпеть муки этого хищника, что поселился в их желудках и требовал пищи. А пища эта была совсем – совсем рядом и не взять её любым путём, они уже не могли. Скрываясь среди зарослей лопухов и амброзии, они приближались к заветной цели. Не смотря на то, что было уже позднее утро и люди занимались своими делами, тут же во дворе. Об этом говорило то, что был слышен разговор их. Но выводок, не послушавшийся матери, не обращал внимания и на этот аргумент. Есть! Есть! И только есть хотелось им, и они слушали только голос голода.

Мать, остаётся матерью в любой ситуации, поэтому она не отставала от них, тоже шла на эту авантюру, хотя исход знала заранее. Когда алчущие ворвались во двор, люди просто обалдели от их наглости, и какое – то время просто стояли и смотрели на это шоу. Наши же охотники, не тратили время зря. Молодёжь ухватила ближайшего гуся и уже почти вытащила его за ворота, когда люди, наконец – то опомнились и, схватив в руки, кто вилы, кто лопату, кинулись за нападшими наглецами. Это были сыновья охотника. Сам же он побежал в дом за ружьём. Пока это всё происходило, мать – лиса успела шмыгнуть в открытую дверь, что вела на задний двор. Там она благополучно ухватила петуха бройлера и была такова. Она выбежала на огороды, и, убегая по кукурузе, что скрывала её как нельзя лучше, спокойно выбежала за село. Краем уха, она слышала крики погони за её детьми, потом выстрелы, но она ещё и знала своих детей. Хитрости им было не занимать, да и опыт у них уже был не маленький, как провести охотника и не стать его жертвой. Конечно же, этот случай был из ряда вон, но они все надеялись на внезапность и это им удалось. Гуся, они, конечно же, не унесли, но сами все остались живы, только разбежались, кто куда. Но наученные матерью, они знали, где нужно собраться, после такой ситуации, что приключилась с ними в этот раз. Когда уже совсем стемнело, они собрались все, далеко от озера, где их поджидала с добычей мать. Хоть и не досыта,

но они поели, свежего мяса и почувствовали себя куда, как лучше и бодрее. А самое главное, они на конец – то поняли, что нужно охотиться двумя фронтами. Пока одни отвлекают и берут всё на себя, другие могут преспокойно стащить, что плохо лежит. Так они перетаскали почти всех кур в этом селенье, а сами остались целы и невредимы. Месть свершилась. Но об этом знала только лисица – мать. Дети же научились настоящей охоте и выросли в высококачественных охотников, сумевших, перехитрить даже людей. Теперь им не страшна жизнь, они подкованы на все сто процентов, для её преодоления.

«Одинокий»

Эту историю рассказал мне знакомый. Дело было в Туркмении. Там он служил, ещё во времена Советского союза. Когда братские республики дружили, как братья и никто, ни кому не мешал. И всем было хорошо и удобно, зная, что никакая сила не страшна, если у тебя за спиной великая и надёжная мощь.

Туркмения, это тебе не Россия, с её белоствольными красавицами – берёзками, низинами, реками, поймами, лугами и полями. Там больше горы, камень, пустыни и, жара. Жара такая, что, кажется и камни готовы расплавиться и превратиться в магму. Но, не смотря на такие тяжёлые природные условия, люди там живут добрые, тихие и спокойные, готовые в любую минуту, прийти на помощь вопреки всему.

Застава, где он служил, находилась на границе с Казахстаном. Место это было, дикое и пустынное. Границу там никто не нарушал, разве, что джейраны пройдут, или верблюд, отставший от своих соплеменников, и со временем одичавший, в поисках ли стада, или же ещё по какой, одному ему ведомой причине, пересечёт запретную зону. Волки, лисы, горные козлы, переходя с территории одной республики на другую, тоже нарушали спокойствие погранзаставы. И всё это было обыденно и почти, что каждодневно, но каждый такой инцидент, нужно было тщательно проверить и доложить начальству. А то ведь не ровен час, всё могло случиться. Хитрый и умный враг, мог, под личиной любого из этих животных перейти рубежи государства и нанести вред.

Ну, а самые частые нарушители, были, конечно же, птицы. Там их великое множество. И это не какие ни будь там вороны, воробьи и галки, которые жмутся по ближе к человеку, дабы легче прокормиться. Нет, это совсем другой контингент. Почти все они солидные и свободолюбивые. Это канюки, пустельга, балабаны, соколы, орланы и беркуты.

Эти могучие и выносливые корабли неба, могут подняться на огромную высоту. Беркут каждодневно взлетает на высоту полутора тысяч метров и оттуда зорко обзрывает землю. Он отлично видит добычу с такой высоты, а заметив, например зайца, он развивает скорость до трёх сот двадцати километров в час и, пикируя, нагоняет его в считанные минуты. Представляете, эдакая гоночная авто. Размах крыльев у них доходит до двух метров. Очень зоркое зрение. Добычу он видит на расстоянии двух километров. Вот о такой птице и рассказал мне знакомый.

Беркут наш жил где – то, недалеко от заставы, так как каждый день пограничники видели его взлетающим утром и отправляющимся вечером, в одном и том же направлении. Птица эта вызывала к себе уважение, прямо скажем. Ну как целый день покружи на такой верхотуре, да чтобы ещё же не с таким оказаться. Самец это был, или же самка, понять нельзя, если ты в этом не дока, а вот, что птица одна и та же, это ребята знали точно. Они уже можно сказать

угадывали её в лицо. И знали наверняка, что есть у неё птенцы. Ну как можно, прокружив в поднебесье не один час и получив добычу, не соблазниться ею и не растерзать прямо здесь же? Ведь ты точно голоден, как волк. Нет. Наш беркут, уносил её всякий раз в том направлении, откуда появлялся по утрам и исчезал вечером. Добычей могли быть: и заяц, и более мелкая птица, и только, что появившийся на свет козлёнок. Да мало ли кто мог стать жертвой, этого трудолюбивого воздушного гиганта. Они ведь и рыболовы отличные, если живут у большой воды. Как говорится, большому кораблю, большое плавание. Почему беркут был один, без пары, ребята тоже не могли представить. Видно случилось что – то, со второй птицей, иначе бы, они хоть иногда кружили бы в воздухе парой. Ведь птицы, особенно хищные, выбирают себе партнёра на всю жизнь, хотя, конечно же, не все.

А однажды, упав камнем вниз, птица не взлетела, как всегда. Ребята долго ждали по привычке, но беркута так и не было. Не взлетел он больше ввысь, озирая бескрайние просторы и выискивая долгожданную добычу. И они при очередном обходе, внимательно всматривались в местность, вдруг что ни будь, случилось с их «Одиноким», так они прозвали беркута.

Действительно, совсем недалеко от их заставы, они увидели знакомую птицу. Она лежала на камнях, с окровавленным крылом, закрытыми глазами и они уже было решили, что птица мертва. Но, как только они приблизились к ней ближе, глаза её вспыхнули, огромный клюв открылся, и вся она как бы взъерошилась, словно приготовилась к схватке. Затем, неимоверно тяжело взлетев, она почти на бреющем полёте, медленно махая одним крылом и изредка помогая больным, полетела всё в ту же, знакомую сторону.

Уж что случилось с ней, никто не мог даже предположить. Ребята очень огорчились и стали волноваться, как же теперь она спасётся, да и если у неё есть птенцы, кто же позаботится о них? А может там ещё больной партнёр? Они отпросились у командира и стали искать место, где могла бы свить себе гнездо эта свободолюбивая птица. Вскоре они нашли на уступе небольшого утёса, то, что искали. В небольшой выемке, на сухих сучьях и шерсти, лежал наш «Одинокий». Рядом сидели два птенца – подростка. Они с жадностью склёвывали кровь, с раненого крыла родителя. Нельзя без содрогания видеть эту картину, и молодые ребята, были просто, словно парализованы, увиденным. Чтобы птенцы жили ещё какое – то время, мать, или отец пожертвовали собой, одолев немыслимое расстояние.

Но нет, «Одинокий» был жив. Когда пограничники захотели взять птенцов из гнезда, он вдруг встрепенулся, накрыл их здоровым крылом и к удивлению всех, стал лаять на людей, как лают маленькие щенки. Да это нельзя было, даже назвать лаем, он просто тьякал. Он задыхался от слабости видно, но продолжал защищать потомство изо всех сил.

Ребята, до глубины души были потрясены этой смелостью, очарованы этой птицей, она однозначно вызвала уважение. Чтобы не провоцировать птицу больше, они накрыли всё семейство плащ палаткой, (а иначе нельзя было сладить с этой страшной, небесной машиной), забрали птенцов, потом запеленали гимнастёркой и самого беркута. Оставить эту семью на произвол судьбы, ни у кого не хватило бы совести. У них был на примете один старик – беркутчи, из местных. Вот ему – то, и решили они сделать такой дорогой и неординарный подарок. Кто понимает толк в охоте с беркутом, оценит его по достоинству.

А старик и вправду был несказанно рад такому, прямо царскому подарку. Он долго пожимал руки молодым друзьям и уверял их, что птиц никто не обидит и что в будущем, это будут отличные охотники.

«Универсал»

Когда нам подкинули щенка, мы не очень обрадовались, если честно. Был он весь такой неухоженный, худющий, со свалявшейся шерстью, от чего вид его прямо отталкивал. Но он жалобно скулил, нам было его жаль, и мы оставили малыша себе. Вымыли, накормили и полюбили, почти сразу же. Он оказался, как говорит моя внучка, Натуся, прикольным и очень забавным. Назвали мы его Барон, хотя и больно малюсенький он был тогда. У нас есть такое правило, если что – то делать, то делать хорошо, в противном же случае, не надо совсем браться за это. Я думаю, что мы правы, в своих суждениях?

Вот взяли мы щенка и стали выхаживать. Кормили, гуляли с ним. Ну как гуляли, в деревне не принято гулять с собаками, как в городах. Просто, куда бы мы ни шли, Барон всегда бежал рядом.

Шло время, и мы поняли, что с кличкой мы не прогадали. Наш, Барон в скорости, вырисовывался в приличного волкодава. Ему было несколько месяцев, а лапа его уже была похожа, на лапу годовалого пса, ну скажем овчарки. Рост его достигал полуметра, и он становился очень лохматым. Ну, прямо впору, стричь его нужно было, словно овцу. Блестящая шерсть, цвета воронова крыла, покрывала его словно шубой. Карие, очень умные глаза, в которых читалась доброта и смирение. Он был очень умён, наш Барон, а кличка, только подчёркивала его солидность.

До сих пор не знаю, что за порода была у нашего пса, а жаль. Я, конечно же, не заядлая собачница, как бывают некоторые, но об этом псе вспоминаю всегда с любовью и сожалением, что так мало побыл он у нас. Правдива поговорка: Что имеем, не храним, потерявши плачем.

Ах, как же хорош он был! Но жил он у нас не в доме, а на улице. Слишком, огромным он был для дома, а может всё оттого, что не специалист я была, в плане собаководства, о чём жалею, вот уже много лет. Ну, по Сеньке и шапка. Ошейник красивый мы ему купили, домик прекрасный соорудили. Чистюля был и аккуратист, наш Барон. Ни когда не нагадит, где попало, ни когда не раскопает клумбу или грядку. Днём любил лежать в холодке, да оно ж и понятно, носить такие кудри и гулять на солнцепёке, кому же захочется. Ночью, казалось в каждом уголке двора, слышался его басистый брёх. Сливаясь с темнотой ночи, он был по – своему страшен, когда вдруг внезапно появлялся, как бы ни откуда, но и только. Никого и никогда, он не мог укусить. Всегда заглядывал в глаза, воистину сказано, заглядывает в глаза, словно пёс. Только бывало, подойдёшь ближе, кинется к тебе; лизнёт руку, потрётся об ногу, сядет на задние лапы и слушает, что ты ему говоришь. Хвостом, бывало туда – сюда машет, словно веником метёт, пройдёт по дорожке, не надо и подметать, чисто.

На хозяйственном дворе, у нас обитает птица. Гуси, утки, индюки, куры разных пород. Каким бы ни был высоким забор, одна курочка бентамка, преодолевала его влёт. Перелетит на грядки и ну бедокурить, ну значит разгрести всё. Уж мы как ни старались исправить это, не получалось у нас никак. Приходилось всё время дежурить, чтобы она не по портила посевы и рассаду. Когда же все овощи укоренились, надобность в этом у нас отпала. Она такая маленькая, эта курочка, что одолеть укоренившуюся рассаду, уже не могла. И мы перестали обращать на неё внимание. Когда же вспомнили, то пеструшку нашу не обнаружили. На насесте её тоже не было и мы загоревали, что петушок наш остался один. А время было, конец сентября. Хозяйка, что продала мне эту парочку, всю молодёжь этого года, уже распродала другим одно-

сельчанам, и я прямо очень переживала о своей потере. Они такие словно игрушечные, эти бентамки и уж больно хотелось мне развести их. Ну как украшение, птичьего двора, что ли. Но время шло, а пеструшка наша так и не нашлась, и мы смирились уже почти совсем.

А, как то я стала замечать, что наш Барон, не залазит почему – то в свой домик. И не только, когда погожие и солнечные дни, а и когда идёт дождь. Лежит себе, и только глаза при жмурит, ну чтобы вода в них не попадала. Я не поинтересовалась его этим поведением, ну нравится, может ему так, разве ж его спросишь?

Сентябрь улетел перелётной птицей, на носу приближался Покров, четырнадцатое октября. Как – то сидя у окна, я обзревала свой двор. Оголился, поскущнел он. Облетела листва с виноградной лозы. Сливы и абрикос, дрожали под осенним ветром, растеряв всю свою разноцветную листву. Пламенели только астры, георгины, да хризантема набирала силу, во всей своей красе. Розовые, жёлтые, бордо и сиреневые пятна украшали двор, казавшийся ещё более серым, на фоне этой роскоши, осенней палитры. Но крупные, обворожительные, размером прямо с чайное блюдце цветы, прямо хлестали по этой осенней серости. Они так были хороши, что душа просто пела.

Вижу я и своего Барона, всё также лежащего рядом со своей будкой. И, о ужас, видно пошёл снег, а я и не заметила. Шерсть Барона усыпана белыми хлопьями, а сам он, вытянув морду и положив её на лапы, внимательно смотрит на эти хлопья, как будто что – то соображая. Вдруг, эти хлопья начинают перемещаться с места на место, а наш увалень, теперь уже, подняв, и повернув свою умную голову, с любопытством и удивлением, смотрит в сторону своего тела. Я тоже начинаю с любопытством смотреть на него. Господи, да это вовсе и не хлопья, а малюсенькие головы цыплят, что зарывшись в шерсть пса, выставили лишь свои клювики и часть голов. Да что же с вами делать? – восклицаю я и, накинув меховую жилетку, выхожу во двор. Даже, когда я подхожу впритык к Барону, он не встаёт, а только виновато смотрит на меня и приветливо, совсем тихонечко пытается махать хвостом. Но и этого достаточно, чтобы крошечные пуховки, взметнулись, словно от сильного ветра. Хвост осторожно ложится опять на землю и его обитатели, что совсем недавно поселились в нём, словно в теплом, шерстяном домике, вновь буквально ввинчиваются в шерсть. И снова торчат одни лишь головёнки и клювики, из роскошной, блестящей шерсти, нашего великана. Заглядываю в будку, там лишь пустые скорлупки, в уютном гнезде. Мамаша их, словно испарилась, позже мы находим её в обществе своего кавалера, петушка.

Что же делать с вами, чудики вы маленькие? – восклицаю я и иду за коробкой, чтобы забрать цыплят в дом. На улице плюс пять ночью и им даже не переночевать одной ночи, если они останутся здесь. Но, когда я вернулась с коробкой, оказалось, что Барон перекочевал в свои апартаменты и вместе с ним, убрались и его квартиранты. Я стала звать Барона, но он не реагировал, даже на еду, что я принесла ему, для того, чтобы выманить его из будки. Что делать в этой ситуации, я не знала, и решила, на свой страх и риск оставить всё, как есть. Выводок был слишком поздним, им всё равно не выжить, – решила я и, закрыв пледом лаз, ушла в дом. Я даже не знала, сколько же их, этих пушистых комочков. Они всё равно погибнут, так пусть уже не болит душа, если их вдруг окажется приличное количество. А то, что их было там не мало, это было видно сразу, тут и считать не надо. Пёс то не маленький и тут не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы прикинуть, хотя бы приблизительно. Но, я уже не думала об этом, пусть что будет.

Ночью, я ни разу не слышала голоса своего сторожа. Утром я не спешила открывать занавес новых обитателей этого, своеобразного, Ноева ковчега. Расстраиваться с самого утра, если они погибли, не хотелось, и я просто поставила миску с едой у будки и продолжала заниматься повседневными делами. Когда я посмотрела в сторону своего постоянного охранника двора, миска сиротливо продолжала стоять и еды в ней не убавилось.

День выдался с плотным графиком работы, и я не скоро вспомнила, о новых обитателях нашего двора. Да, если честно, я и не надеялась никого увидеть, так как ночь была достаточно холодной. Когда же у меня образовалось окошечко в расписании дневных занятий, я посмотрела в окно и была просто поражена. Наш Барон, как и на кануне, лежал у самого лаза в своё жилище, а из его шерсти, по – прежнему, выглядывали головки и торчали клювики. Когда же пригрело солнышко, около новоиспечённой няньки ли, или мамыши, а может папаши, высыпало тринадцать пуховых комочков. Все они бодренько искали что – то на земле, и я насыпала им пшена. Пуховки принялись клевать, а новоиспечённый воспитатель, решил – таки, тоже подкрепиться, из своей миски. Пока все насыщались пищей, я решила сменить подстилку в импровизированном общежитии. Пёс перестал, есть, напрягся вдруг, и я решила, будь, что будет. Оставила их в покое. Всё повторилось, как и вчера, только солнышко скрылось за горизонт, как обитатели двора, переместились в свой дом. Я только закрывала вечером и открывала днём полог, всем остальным заправлял Барон. Он перестал совершенно выходить по ночам и появлялся во дворе, лишь днём, в сопровождении своей малышни.

Ну, надо просто было видеть, эту компанию. Сколько в них было внимания друг к другу, сколько тепла. Глаза пса просто вращались, когда он наблюдал за своими питомцами, ведь их было не мало, даже для такой махины, как он. Вскоре эти завоеватели, так мы прозвали цыплят, уже завладели и едой нашего добряка. Они с удовольствием склёвывали и кашу, и мясо, а он только смотрел на них и кончик его хвоста, тихонько вздрагивал.

Осень в том году долго хозяйничала, а зима не торопила её. Холода, будто затерялись где – то в пути, осенние же деньки были ясными и погожими, хоть и не отличались большим теплом. Но всё же, температура держалась днём в пределах десяти градусов, а ночью не опускалась ниже ноля, и наша мелюзга, подрастала и крепчала, прямо, на глазах у всех. Целые дни они проводили во дворе, забираясь на грядки, чтобы полакомиться зеленью, что ещё буйно царствовала, на унавоженной земле. Они так смешно подпрыгивали и склёвывали зелёные листочки, что казалось, будто маленькие гномики, собирают урожай в лесу. А этим временем, наш такой огромный и такой спокойный раньше Барон, прямо готов был выпрыгнуть из своей шкуры, переживая за своих питомцев. Он натягивал ремень привязи и громко лаял, потеряв своих воспитанников из вида. И сколько же было тревоги и волнения в этом лае, что многим людям, имеющим маленьких детей, в пору было поучиться, заботе и вниманию. А ведь многим, так не достаёт, этих чувств.

Так и выходил наш Барон всех малышей, ни одного не погибло, из позднего выводка. Конечно же, мы утеплили их домик, обив его ещё досками и проложив, между ними пенопласт. Да ещё и набросали сверху снега и плотно его утрамбовали. А уж в середине, им хватало глубокой подстилки и живой грелки, в виде доброго и огромного, как телом, так и душой, «Барона». Этого увальня и добряка, что отказался ради этих крох, от беспечной, собачей жизни. Они без всякой опаски, могли клюнуть его в нос, или глаз, он же только мотал головой и терпел все их проделки. Такой великан, ведь когда он становился на задние лапы, он клал передние, на плечи моего мужа, а его рост метр семьдесят пять, он терпел всю эту возню таких крох, не посмотрев на них ни разу зло, или же хмуро. Не говоря уже о том, чтобы укусить. Он всегда, будто

улыбался этой малышне, высунув яркий язык, и хитренько повернув морду, с прищуренными умными глазами в их сторону.

Когда же, пригрело весеннее солнышко, мы перевели всю пернатую мелочь, на их законное место, а «Барона», чтобы не скучал без них, выпускали на улицу. Там он общался со своими сородичами, что гуляли, отпущенные своими хозяевами, с привязи, также, как и он. И всё было прекрасно, он всегда возвращался домой в одно и то же время. Так же, как и раньше, он исправно служил нам, охраняя наш покой, днём и ночью. Он голосисто басил, когда слышал с улицы, какие ни будь посторонние шумы и все знали, что у нас во дворе настоящая охрана. Но так было до поры, до времени.

Однажды наш Барон не вернулся в положенное время домой, не было его и куда позже. Сначала, мы подумали, что ему встретилась симпатичная подружка и, погуляв, положенное время, он, конечно же, вернётся. И опустив, как всегда голову в знак того, что он признаёт себя виноватым, прошествует важно и уляжется у входа в свой уютный домик. Но проходило время, а нашего Барона не наблюдалось. Какая – то смутная тревога одолела мной и я стала прямо умолять супруга, чтобы он проехал по улицам и нашёл нашего друга. Он согласился, да ещё и меня взял охотно с собой, видя, как я переживаю. Мы объехали с ним не только улицы, мы в каждом дворе спросили о нём, но никто его не видел, уже несколько дней, хотя все его хорошо знали. Я уже ревела почти в голос, хотя это только нервировало супруга, а пользы от этого никакой не было. Он уговаривал меня, убеждая, что Барон умный пёс и домой он вернётся непременно. Но проходили дни, а мохнатый наш друг так и не появлялся.

Уже много времени спустя, нам рассказали знакомые, что видели, как его забрали какие – то люди, проезжающие на «Газели». Это могло случиться, ведь он был таким доверчивым псом, наш «Барон». И мы уже смирились, и были не против этого, если только, это люди добрые, и ему у них хорошо. Не дай бог, его доверчивость погубила его, и он попал в руки жестоких и бессердечных людей, которые могли сделать с ним, что – то плохое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.